

✦ Гражданское общество в России

П.К. ГРЕЧКО

ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО: ПРОБЛЕМНЫЕ УЗЛЫ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ

Термин «гражданское общество» сегодня очень популярен. Им с удовольствием пользуются политики и те, кто их теоретически и масс-медийно обслуживает. Концептуальности от этого не прибавляется, а вот «одомашнивание» нарастает. У гражданского общества появляются вдруг отечественные корни, его начинают датировать чуть ли не с Новгородской (феодалной — это, конечно, опускается) республики. Смелости и фамильярности в обращении с понятием гражданского общества придают также те ограничения (недостатки, изъяны), которые легко видеть в самых убедительных его манифестациях. Поднимает в собственных глазах, релятивистски бодрит риторический вопрос: а где вы видели подлинное гражданское общество?

Между тем феномен гражданского общества необычайно сложен, для нас нов и во многом непонятен. Работы для исследователей тут непочтатый край. Насколько я сориентировался, слушая докладчиков, вникая в сказанное, мы занимаемся сегодня очерчиванием проблемного поля и выявлением концептуальных точек роста. С тем чтобы в будущем, продолжая начатое, сосредоточиться на действительно прорывных линиях анализа.

Для начала, как представляется, важно разобраться в понятийной инфраструктуре темы. Без этого у нас не будет общего языка и единого (исследовательски-коммуникативного) горизонта ее видения. Возьмем, к примеру, власть — как ее сегодня понимать? Как то, что разлито по всему пространству общественной жизни, как принудительно-волевой аспект любых, всех отношений между людьми? Или же, как исключительное достояние социальных институтов, нечто, исходящее только из определенных центров? Как

Гречко Петр Кондратьевич — доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой социальной философии РУДН (Москва). Наш постоянный автор.

известно, для М. Фуко власть, властные отношения есть даже в сфере познания. А может, вся власть, ну не от Бога — от Государства?

Впрочем, и с государством не все понятно. Одни видят в нем аппарат, совокупность органов, управляющих общими делами, другие — сущностную определенность общественной жизни, ее неубираемые строительные леса, неперенные внутренние скрепы. Для Н. Лумана, например, государство есть результат самоинтерпретации общества в условиях доминирования или приоритета (теперь это уже в прошлом) политики. К тому же в связи с гражданским обществом речь, видимо, должна идти не просто о государстве, а о правовом государстве. Последнее предполагает определенный, достаточно высокий уровень развития и государства, и самого права. Доправовое (не путать с отсутствием права как такового) и неправовое (авторитарное и тоталитарное) государство с гражданским обществом вообще не корреспондируется. Само право в правовом государстве не исчерпывается законами, а включает в себя и так называемое естественное право (морально-правовые идеи типа справедливости, равенства, уважения человеческого достоинства и т.д.). Вообще гражданское общество — норма для любой страны, претендующей на статус современной.

В понятийную инфраструктуру «гражданского общества» входит также «политика». Опять же, в плане референции, — какая? Политика и государственная политика — вещи не совпадающие. Кроме того, в современных условиях политика испытывает на себе все большее влияние профессионально-административного начала. А под влиянием информационных и телекоммуникационных технологий она становится в прямом смысле интерактивной. Не исключено, что в будущем появится еще одна разновидность политического режима — Net-ократическая. Социальное неравенство и расхождение интересов в развитых современных обществах имеют тенденцию к уменьшению. Политика же в большей мере индуцируется тем, что разводит, противопоставляет, а не объединяет людей. И как в этой ситуации должно чувствовать себя гражданское общество — признанный противовес государству, эффективная система контроля власти (государственной) со стороны народа?

Инфраструктурно важный для гражданского общества вопрос — о глобализации. Здесь тоже много новых, не до конца проясненных моментов. Скажем, гражданское общество традиционно позиционировало себя относительно государства. А тут появляются транс- и наднациональные структуры, которые нередко диктуют свою волю не каким-нибудь частным лицам или местным институтам, но самому национальному государству. Что — теперь гражданскому обществу и государству надо объединяться против этих структур? Впрочем, не все в глобализации повергает в уныние, настораживает. Напротив, впервые открываются широкие возможности для активного заимствования чужого (иного) исторического опыта, в том числе и в пер-

спективе строительства гражданского общества там, где его нет. Со временем наверняка появится глобальное гражданское общество, что станет дополнительным условием развития и укрепления национальных гражданских обществ.

Как быть с определением гражданского общества? Ясно, что заранее его дать нельзя. Более того, в полной мере обоснованным может считаться только такое определение, которое появляется как завершение (сущностная вытяжка) соответствующей теории, в нашем случае — *теории гражданского общества*. Но для общей ориентации определение, рабочее определение, все-таки нужно. В порядке такого определения я бы предложил указание на то, что *гражданское общество есть своего рода медиатор между государством (правовым государством) и свободной личностью*.

Зондируя проблемное поле гражданского общества, необходимо ответить на вопрос: а для чего оно? Какую конкретно потребность удовлетворяет? О моде на гражданское общество говорить не приходится, хотя на международной арене ей тоже находится место. Гражданское общество — незаменимое средство, важный ресурс развития в современном мире. Именно развития, а не простого существования или выживания. Вернее, даже так: развитие сегодня есть форма стабильного и безопасного существования. Без самостоятельности, инициативы, личной и ответственной свободы, «поставляемых» гражданским обществом, рассчитывать на качественное (конкурентоспособное) развитие сегодня не приходится. Без помощи со стороны гражданского общества не справится со своими проблемами и современная Россия. Не будет преодолена коррупция, не заработают в полную силу законы, не получит должного развития правовая культура, не станет больше профессионализма и социального воображения, и т.д.

Как бы ни растягивали и ни пересаживали соответствующее понятие, гражданское общество — продукт исторического творчества западной цивилизации. Как и осетрина, он не может быть второй свежести. Отсюда — проблема усвоения исторических уроков, приобщения, заимствования. В этом деле с определенностью фиксируются две крайности: механического переноса и радикально творческого (под отечественную специфику — «до основанья...») переделывания.

Крайности для нашей культуры как раз органичны. И потому впасть в крайность для нас привычно, в данном случае — сразу в две. Первой, «механической», страдают в основном отечественные либеральные реформаторы. Из «розовых штанишек» начала перестройки они так и не выросли. Результаты все те же — не впечатляющие, подрывающие доверие к самой демократии. Странная, но ожидаемая ситуация: теоретически лошадь, а практически не везет. «Творческую» крайность оседлали национал-патриоты, ревнители русской... так и хочется сказать — словесности, но нет — специфики. Гражданское общество, мол, не наше, не родное — мы должны найти свой, осо-

бый, путь. Достаточно, однако, оглянуться назад, всмотреться как следует в отечественную историю, чтобы понять, как много ныне нашего и родного было когда-то и не нашим, и не родным.

Укажем здесь только на православие: мы ведь его тоже ввели, приняли, и ничего — стало в высшей степени родным, неотделимо нашим. К российской патриотической переделке западного исторического опыта относятся также и те случаи, когда гражданское общество подменяется гражданственностью и сознательностью (долг, мужество, приоритет коллективного). Но без структурной или институциональной поддержки все эти добродетели, качества и способности мало что значат: так, некая мечтательность, ожидание, томление души.

Суть дела, как она мне видится, не в самом по себе переносе или заимствовании, а в его действительно творческой адаптации. Творческой — значит учитывающей отечественную специфику (а куда от нее денешься), с одной стороны, и сохраняющей качественную определенность, природу переносимого феномена — с другой.

Для творческой адаптации идей и опыта исторически состоявшегося гражданского общества нужна, видимо, не меньшая оригинальность, чем и для его создания. Во всяком случае, усилия и средства должны быть однопорядковыми. Это как в литературе: хороший читатель — тот, который находится на уровне писателя. Способна ли наша элита на действительно прорывную адаптацию — это еще вопрос. Судя по тому, как мы пытаемся сочетать несочетаемое (например, демократию, а, следовательно, и перспективу полноценного гражданского общества с политтехнологическим проектом «Преемник»), ничего особенно вдохновляющего в ближайшем будущем нас не ожидает. Сочетая несочетаемое, мы плодим исторические химеры, симулякры в худшем, не постмодернистском, смысле этого слова, незаметно и мягко, бархатно переводящие нас из одного застоя — доперестроечного, в другой — уже постперестроечный.

К ключевым, проблемным «интенсивностям» гражданского общества относится также его топология. Где, собственно, искать гражданское общество, в какую фиксируемую видимость оно материализуется? Есть авторы, которые считают, что гражданское общество есть некий сегмент общества как такового. Им возражают: нет, гражданское общество не сегмент, а определенная форма общества, особое общество. Что, однако, видно и без всяких концептуализаций? Что у гражданского общества есть определенные структуры (комитеты, ассоциации, фонды и т.д.), что, далее, его работа, его функции пронизывают собой все общество. Собрав сказанное воедино, можно, надеюсь, утверждать, что гражданское общество представляет собой *определенный срез общества*. Данный срез — срез сущностный для всех структур и функций гражданского общества. Телеологической его (среза) квалификацией можно считать свободную, признаваемую обществом и государством

индивидуальность. Другие квалификации (а их, несомненно, множество) еще предстоит установить.

В заключение хотелось бы остановиться на еще одном вопросе — на идентификационном потенциале гражданского общества. Для тех процессов, которые идут сегодня в нашей стране, он, возможно, судьбоносный. Вместе с распадом (не будем ностальгировать — неизбежным) СССР ушла в прошлое и новая историческая общность — советский народ. Быстрота и легкость, с которыми это произошло, наводят на мысль, что, видимо, и раньше, до перестройки у «советского народа» были серьезные проблемы. Исследования продолжаются, но есть подозрение, что общность «советский народ» всегда держалась на идеологии, историко-материалистическом мифе. Тем не менее она держалась, была — факт неоспоримый.

Как бы то ни было, неоспорим и другой факт — то, что в результате перестройки homo sovieticus оказался полым. Пошли трещинами все его прежние жизненные смыслы, ну а смысл жизни просто исчез. Хотя информации прибавилось, стало больше — это правда. Не только природа, но и история, а в ней люди — не любят пустоты. И жизнь потихоньку эту пустоту стала заполнять. Материалом старым, веками отработанным: общностью этнических корней, традиционными религиозными верованиями, а еще — прошлыми обидами и поражениями. Социальная стратификация сменилась этноконфессиональной: есть свои и чужие (инородцы), наши и не наши, «верные» и «неверные».

В этой ситуации гражданское общество может и призвано стать источником новых смыслов, действительно современной идентичности. С его помощью «россиянин» — явно «плавающее означающее» — найдет наконец-то своего реального носителя — твердое и узнаваемое «означающее». А гражданский теперь уже индивид, вкусив прав и свобод человека, озаботится родовой своей сущностью, превратив этничность и конфессиональность в нечто действительно «видовое» и факультативное.

Совсем уж завершить свое выступление хотелось бы крылатой Некрасовской фразой «Поэтом можешь ты не быть, но гражданином быть обязан». Поэтов (увы, не только в области литературы и искусства) у нас хоть отбавляй, а вот нормальных, свободных, но продуктивно ответственных, граждан явно не хватает. Я лично надеюсь на то, что придет время, когда «Поэт в России — [будет не] больше, чем поэт». Как ни странно, но это — вернейший (потому что начинающийся в голове) путь к созданию гражданского общества.

В. М. МЕЖУЕВ

ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО И СОВРЕМЕННАЯ РОССИЯ

Сегодня о желательности и необходимости гражданского общества пишут и говорят многие, но не всегда ясно, что, собственно, имеется в виду, какими критериями гражданственности общества и населения руководствуются те, кто рассуждают на эту тему. Отсутствие четких критериев приводит к огромному разбросу мнений: одни считают, что в России гражданское общество еще не сложилось, неизвестно когда сложится и сложится ли вообще (есть и такое мнение), другие убеждены в том, что оно уже реально существует и потому может быть объектом эмпирического исследования и правового регулирования.

Вопрос о критериях — не пустой вопрос. Без них нельзя дать правильную оценку тому, что мы наблюдаем в современном обществе. Почему, например, стояние людей у Белого дома в дни путча 1991 г. мы считаем актом гражданского мужества, а противостояние власти так называемых защитников Белого дома в 1993 г. чуть ли не уголовным преступлением? Как вообще оценивать те или иные формы протестного поведения населения, включая не только шествия и демонстрации, митинги и забастовки, но и более радикальные, вплоть до гражданского неповиновения, революции и даже гражданской войны? Это — проявление гражданственности или наоборот?

В советские времена под гражданством было принято понимать государственное подданство: «гражданин» было словом официального языка, на котором народ обращался к власти («гражданин начальник»), а власть к народу («пройдемте, гражданин»). В эпоху рыночных реформ гражданство стали отождествлять с уходом человека в частную (приватную) жизнь — семью, домашнее хозяйство, личный бизнес, предпринимательство и пр. Гражданское общество, с этой точки зрения, — это плюралистическое общество, вышедшее из тени объединяющего всех государства и предоставившее каждому индивидуальную свободу выбора. Как говорил Гегель, в гражданском обществе каждый для себя — цель, все остальные — только средство. А поскольку индивидуальный выбор реализуется, прежде всего, в сфере рыночных от-

Межуев Вадим Михайлович — доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института философии РАН (Москва). Наш постоянный автор.